Он остался загадкой

Моск. правда, - 1996. - Февр. - с. 7.
К 75-летию со дня смерти А.А.Блока

ДАТЫ

В детстве часто кажется, что поэзия - только считалка; только «чижик-пыжик», который неизвестно где загулял; только «жили в квартире сорок четыре, сорок четыре веселых чижика». Эти «чижи» наши, все сорок четыре, с чижиком-пыжиком сорок пять, и все нужны. Но время идет, как нить с веретена, мы взрослеем; взгляд становится взрослеем; сердце томится... Мы понимаем, что мир полон противодействий, что трагедии. И тут - неожиданно, вдруг - открываем Блока. Не то чтобы книжку, а как бы его самого. Не по обязанности - для себя. И словно хлынула в открытые шлюзы высокая вода. «Прославленный не по программе и вечный вне школ и систем, он не изготовлен руками и нам не навязан никем». Это о Блоке в поздние свои годы сказал Пастернак. Слободью к Блоку, с отвращением к «программе», к охотникам подчинять, навязывать. К охотникам, отчасти напоминающим карателей.

Блок, великий лирик XX века. Спутник жизни человеческой. Почему он близок людям - как ответить? «Не изготовлен руками» - значит, что ответа нет. Музыка проникает в самое сердце. Сияние. Магия. Тайна.

Ахматова говорила, что Блок умер вовремя и что это благоловенье Божье (здесь отсылаю читателя к только что вышедшей книге Льва Озерова «Дверь в мастерскую», изд. «Третья волна», 1996), где это высказывание можно найти. А вот как понять? В воспоминаниях Наталии Роскиной читаем: «Как-то я говорила Анне Андреевне, что горюю о ранней смерти Пушкина, а она мне отвечала, что в истории все делается вовремя. «Пушкин, - сказала она, - был бы немислим в сороковых годах, его бы все забыли, это было бы ужасно». Да что ж ходить далеко? Мы ощущаем гнетущую тоску, видя, как мелькают на экране состарившиеся поэты - кумиры 60-х годов нашего времени, пережившие свое кумирство. Возможно, история решила об-

нажить уязвимость их поверхностных дарований еще при их жизни.

Представить себе Блока в 20-30-е советские действительно нельзя, хотя его возвышенная попытка синтезировать во взбаламученной России-Сфинксе Запад и Восток вызвала тогда благосклонный отклик.

О Блоке написаны горы литературы. Но... острые углы стерты, трактовки тенденциозны и прямолинейны: купированы записные книжки, дневники, письма (многие успешно потрудились на этой ниве). В наиболее пронизательной и проникающей в текст - и по сегодня! - статье гениального Тынянова «Блок» (1921) сказано: «Как человек, он остался загадкой...». Добавлю: по сей день. Добавлю: и как поэт. Все стороны загадки не охватишь. В словаре «Русские писатели» (М., 1988, т. 1, с. 277) говорится, что отец поэта Александр Львович Блок, юрист, профессор Варшавского университета, из семьи обрусевших немцев. Может быть. Непонятно только, почему однофамильцы Блока евреи. «Блок» значит «влох», по-польски - италянец, и эту фамилию (варианты Блох, Влох, Влах, Вулах и др.) носят еврейские выходцы из Италии. Так же, как фамилии Френкель и Холендер - выходцы из Франции и Голландии. Учитывая русофильские крайности в мировоззрении Блока, это не только биографическая подробность. Конечно же, почти невозможно поверить, что за срок, равный жизни трех поколений, вопрос не решили энтузиасты - приверженцы противоборствующих кланов. Но ведь он не решен и с Фетом...

Рискуя вызвать праведный гнев блоковедов. Впрочем, им не до того; сейчас они переживают по-настоящему серьезный удар: коллективные колеса пробуксовали, а в результате индивидуальных усилий в духе новейшего времени Станислав Лесневский, замечательный знаток поэзии и литературовед, обойдя всех на кру-

том повороте, осуществил свой творческий и жизненный подвиг - начал выпуск Полного академического собрания сочинений Блока в 12 томах. Первый том - стихи 1898-1904 годов - в сером суперс с силуэтом работы Кругликовой - на прилавках. И что не расхвачан мгновенно, хорошо, а не плохо. Что дальше? Храброму Лесневскому предстоит пройти трудный путь...

Одна из жгучих тайн Блока - поэма «Двенадцать» (1918), в которой, по известным словам Маяковского, «два ощущения революции, фантастически связанные»: «Одни прочли в этой поэме сатиру на революцию, другие - славу ей». Текст сам себя пишет и подчас не так, как автор хочет. Блок признавался, что многих своих стихов не понимает. Одна из новых точек зрения звучит так: уголовники, творящие «мировой пожар в крови» и одновременно жаждущие, угождая своим темным инстинктам, кого-нибудь прирежут и попьанствовать, идут не за Иисусом, а на Иисуса, т.е. на традиционные моральные ценности. У них впереди Он, «в белом венчике из роз», как враг. Неужели и так можно прочесть? Мне это представляется невероятным. Бенедикт Сарнов в книге «Заложник вечности» (М., 1990) резко и по-своему объясняет коллизию превращения двенадцати висельников в двенадцать апостолов: «Это был апофеоз патологического народолобия русского интеллигента, апофеоз проклятого русского интеллигентского комплекса вины перед народом. Совсем не случайно Горький (все-таки он был человек из народа) с омерзением и гневом говорил о том, как во время штурма Зимнего рабочие и матросы демонстративно нагадили в уникальные дворцовые вазы. А у Блока это омерзения не вызывало». Иначе говоря, комплекс вины перекрыл все.

Когда человек принимает на себя вину других, разделяет ее - это монолит родового сознания. Его, со времени распада

родового строя, практически не существует (только в пародийной форме). Будь по-другому, человек лишился бы индивидуальности - великого завоевания новых времен. Но вот парадокс: высшие, рафинированные индивидуальности не устают сожалеть о том, что - с угасанием родового сознания - утрачено цивилизацией. У Блока эта родовая романтика одета в изощренные, демонические одежды.

Нужно ли, чтоб полюбить, разделить с поэтом его социально-исторические оценки? нравственные борения? заблуждения? Думаю, и на эти вопросы нет ответа.

Блок был человек богемный - в годы богемного разгула, эстетской вседозволенности. Он рано пристрастился к выпивке. Его донжуанский список насчитывает чуть ли не три сотни женщин. При этом он вел замкнутый образ жизни и теснее всего был связан с матерью, болезненной и религиозной дамой. Считал, что между ними имеется телепатическое общение. Он сам разрушил свое физическое и психическое здоровье. В отрочестве скакал на коне. Умел косить сено. Мог вскопать огород. Выпилить окно, любуясь, как сверкают на солнце золотые опилки. Но потом... «Что делать? Ведь каждый старался свой собственный дом отравить, все стены пропитаны ядом, и негде главы преклонить!» И - наконец: «Пускай я умру под забором, как пес, пусть жизнь меня в землю втоптала, - я верю: то Бог меня снегом занес, то выюга меня целовала!» И впрямь - благоловенье Божье? Реальная, а не мифологическая смерть Блока окутана тайной, может быть, самой горестной. Лучше не касаться...

Блок поэт широко читаемый. Одно из популярных стихотворений - «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» - с чудесной концовкой: «Случайно на ноже карманном найди пылинку дальних стран - и мир опять предстанет странным, закутанным в цветной туман!» Про карманный

нож чаще всего цитируют (иногда с грубыми ошибками, как недавно Ада Якушева в воспоминаниях о Визборе). Отчего стихотворение так любимо? Мне долго казалось, что Блок написал его ребенком, где-то у моря, еще холодного. Суда в сонной бухте. Военные, хотя войны нет. Но что-то происходит. Или это воображение, мечта. Мечта о путешествии, о доблести; о войне как почве для доблести; не нынешней, напичканной чудовищным оружием, а старинной, почти вымышленной, например, из Дюма; войне как промысле Божьем. И вот пылинка на ноже. Воображаемая. Источник двойной радости: «ведь сердце радоваться радо и самой малой новизне». Жажда жизни среди мертвечины обыденности. В стихах, сочиненных незадолго до мировой войны, которая почвой для доблести не стала, Блок выразил то, о чем тогда же писал матери: «Всем, собственно, скучно до последней степени, и все втайне хотят, чтобы что-нибудь стряслось». По поэтической формуле Пастернака, «Блок ждал этой бури и встряски. Ее огневые штрихи боязливо и жадно развязки легли в его жизнь и стихи». В любые времена грозная тревога, переходящая в радость мимолетной, иллюзорной надежды на обновление, созвучна если не всем, то многим: знаешь, что неправда, а хочется поверить. Есть и другие стихи, пожестче. Вечно звучит в ушах: «Не спят, не помнят, не торгуют. Над черным городом, как стон, стоит, терзая ночь глухую, торжественный пасхальный звон. Над человеческим созданием, которое он в землю вбил, над смрадом, смертью и страданием трезвонят до потери сил... Над мировую чепухой; над всем, чему нельзя помочь; звонят над шубкой меховой, в которой ты была в ту ночь». Это, при всей простоте, не пересказать другими словами; не объяснить; этому не научиться. Это Блок.

Владимир ПРИХОДЬКО.